

Томас Барнет СВАНН

ДЕНЬ МИНОТАВРА

Сказание о Лесе
и Лесном Народе

Томас Барнет Сван

Вечный лес

Серия «Минотавр», книга 2

Scan Brayhead, Spellcheck Maury
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158960
Оригинал: ThomasSwann, "The Forest of Forever"

Перевод:
Сергей Троицкий
Софья Виноградова

Аннотация

Томас Барнет Сванн – американский писатель, чье творчество практически не известно российскому читателю. Прекрасный историк и этнограф, Сванн создал удивительный, неподражаемый мир, где обитают персонажи античных мифов. Писатель напомнил древние легенды новым содержанием и тем самым открыл перед читателем некую новую реальность, в которой каждый герой воспринимается старым, добрым приятелем, имя которого чуть-чуть подзабылось.

Содержание

Часть I	4
Глава I	4
Глава II	21
Глава III	39
Глава IV	55
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Томас Барнет Сван

Вечный лес

Часть I

ЭВНОСТИЙ

Глава I

Сейчас мне триста шестьдесят, и если сопоставить количество любовников, которые у меня были за эти годы, с числом прожитых лет, то я имею все основания гордиться собой. Любовников было в два раза больше – мужчины, кентавры, тритоны¹, – и все они говорили, что никто не может сравниться в искусстве любви с Зоэ, дриадой с острова Крит. Шафран, бывшая королева трий – так называется пчелиный народ, – однажды, указав на золотой зуб, вставленный мне любовником из Вавилона лет двадцать, нет, тридцать тому назад, и на седину, мелькающую в моих зеленых волосах, как мох среди листвы, сказала, что я похожа на свой выдавший виды дуб. В ответ же я продемонстрировала ей свои роскош-

---

¹ Тритоны, – юноши с рыбьими хвостами. Трубя в морские раковины, могли поднять бурю или вызвать штиль.

ные, по-прежнему крепкие и высокие груди.

– Милочка, – сказала я намного более любезно, чем она того заслуживала, – кому же нужен слабенький саженец, когда рядом стоит пышный старый дуб?

Сейчас все пишут истории своей жизни – на папирусе, глиняных табличках, пальмовых листьях, – а уж мне, как никому, есть что вспомнить. Честно говоря, я просто умираю от желания рассказать вам, ничего не скрывая и не пытаясь выставить себя в выгодном свете, о некоторых своих приключениях. Вавилонец. Бритт. Ахеец (ну и силен же он был!). Меня останавливает лишь то, что мои друзья, как, впрочем, и враги – ведь любая привлекательная женщина обязательно вызывает к себе зависть, – которые могли бы поведать гораздо более возвышенную и трогательную историю, лишены этой возможности. И я должна сделать это вместо них.

Да, порой я бывала участницей грустных событий, так случилось и в этот раз. Не претендуя на роль главной героини этой истории, несчастной мечтательницы Кору, которую сгубила красота, как других женщин губит их уродство, я все же позволю себе высказать вслух некоторые ее мысли и говорить от ее имени, а также от имени Эвностия, последнего минотавра, и Эака, критского принца.

Вы ждете печальную повесть? Но в любом, самом темном лесу всегда есть залитые светом поляны. Если же вы хотите читать лишь о смерти или насилии – отложите эти таблички

в сторону, они не для вас.

На лужайке, заросшей желтыми цветами гусяного лука, закинув копыто на копыто и непринужденно отбросив хвост, лежал на спине Эвностий. Голова его покоилась на давно заброшенном муравейнике, в зубах было зажато тростниковое перо. Отдыхающий теленок, маленький минотавр, – какая безмятежная картина! Говорят, что минотавры – свирепое племя, и действительно, если их рассердить как следует, они превращаются в грозных и безжалостных воинов, больше похожих на кентавров, чем на людей. Но в повседневной жизни это вполне миролюбивые существа, склонные к созерцанию, отличные садовники и столяры.

Хотя ему исполнилось всего лишь пятнадцать, он был сильным, высоким и мускулистым мальчиком – говоря «мальчиком», я имею в виду его молодость, а не принадлежность к племени людей, – с нежным румянцем на красивом лице и рыжей, как перья дятла, гривой, которой он очень гордился.

– Эвностий!

Он быстро сел, хлопнул по земле хвостом с рыжей кисточкой на конце, идеально приспособленным, чтобы отгонять мух, и выронил изо рта перо. Я заметила, что сквозь гриву начинают пробиваться очень складные рожки. Да, скоро он станет совсем взрослым быком.

– Кто-то зовет меня?

У него был низкий, спокойный голос. Он будто говорил:

«Не спеши, давай поболтаем. Наш разговор будет недолгим, но приятным».

Я вышла из-за деревьев. Эвностий быстро вскочил на копыта, одним прыжком пересек лужайку и по-мальчишески обнял меня. Его восхищение всегда доставляло мне удовольствие: молодой человек поклоняется опытной женщине, которая, несмотря на свой возраст и все превратности судьбы, находится в прекрасной форме. А выглядела я действительно великолепно, в чем еще раз могла убедиться сегодня утром, когда перед зеркалом надевала платье из листьев водяной лилии, украшала свои запястья браслетами из позеленевшей от времени меди и, делая небольшую уступку приличиям, закрепляла в ложбинке на груди крупный турмалин.²

– Тетя Зоэ!

Это было уважительное обращение, которое, по правде говоря, мне не особенно нравилось. Я вовсе не приходилась ему тетушкой, а была подругой его больной матери, которая и настояла на том, чтобы он меня так называл. (А когда-то, кажется, лет сорок тому назад, я была подругой и его отца.)

– Эвностий, мне надо отнести корзину с желудями Мирре и Коре, может, мы пойдем туда вместе? Этот хулиган кентавр Мосх стал доставлять мне массу неприятностей с тех пор, как мы с ним расстались, и лучше, если рядом со мной будет мужчина.

---

² Турмалин, или шерл – драгоценный камень. Легко электризуется от трения и нагревания.

Я вовсе не боялась Мосха, мне даже нравились его заигрывания, и я собиралась возобновить с ним отношения, правда лишь после того, как отдохну и взбодрюсь с более молодыми мужчинами. (Вы понимаете, что когда я говорю «мужчина», я имею в виду любых взрослых особей мужского пола, а не только людей.) Но мне хотелось, чтобы Эвностий почувствовал себя сильным и мужественным. Уж год, как он осиротел и очень нуждался в поддержке и руководстве взрослой женщины.

После того как я произнесла имя Кору, самой красивой Дриады в Стране Зверей, его уже не надо было упрашивать.

Мы отправились туда через лес. Эвностий, как настоящий разведчик, шел впереди, ударяя со всего размаху палкой с заостренным концом по тем кустам, которые казались ему подозрительными, и постукивая ею по земле, чтобы отпугнуть ядовитых змей. В другой руке он держал тростниковое перо и табличку из пальмового листа. (Да, у минотавров есть руки, копыта у них только на ногах.)

– Эвностий, о чем ты мечтал, когда я окликнула тебя?

– О Коре, – признался он. – Я писал ей стихи.

Он смутился, но лицо его при этом засветилось от счастья. У него были большие зеленые глаза, будто вобравшие в себя цвет моря, хотя всю свою жизнь он провел в лесу и даже ни разу не выходил из него.

– О чем эти стихи?

– О любви.

– Что ты знаешь о любви, малыш?

Конечно, «малыш» было понятием относительным. К уже имеющимся шести футам роста должен был прибавиться еще как минимум один.

– Это и есть поэзия – писать о том, чего не знаешь. Неужели ты думаешь, что автор «Стука копыт в Вавилоне» когда-нибудь бывал там?

Он стал читать то, что было записано на пальмовом листе, который он нес:

На копытах легких Минотавр влюбленный,
Юную дриаду ищет он упорно,
Что за ним следила из листвы зеленой,
Поправляя томно локон непокорный.

– Ты, наверное, хочешь сказать – тяжелых?

– Нет, это копыто было очень изящным. Он посмотрел на свои собственные и легонько потопал ими по дерну.

– Звучит многообещающе, – заметила я, – но надо отшлифовать. – Что еще можно сказать подающему надежды поэту, если ты сам настолько не разбираешься во всем этом, что не можешь даже отличить подлинный шедевр от дешевеньких стишков?

– Почему это ты бегаешь от меня, девочка?

Кентавр преградил нам дорогу. Четыре ноги, две руки и висклокоченная седая грива – устрашающее зрелище. Но это был Мосх, а он не опаснее пустого бурдюка. Крошечный по-

росенок, розовый малыш, который еще не скоро превратится в борова, резвился у его ног.

– Вовсе не бегаю, Мосх, просто я слишком занята, чтобы прогуливаться с тобой по лесу. Я иду к Мирре.

– Кто говорит «прогуливаться»? Я всего-навсего хотел поболтать. И может, позавтракать вместе, – добавил он, покосившись на желуди. Кентавры любят их не меньше, чем дриады. Затем, оглядев Эвностия с ног до головы, он сказал: – Привет, парень. Ну, как у тебя дела с девицами, бегаешь к ним?

Эвностий вежливо кивнул, и внезапно оба они ощутили свою причастность к братству рогатых и хвостатых зверей, хотя втайне кентавры считали себя существами высшего порядка по той причине, что у них не четыре, а шесть конечностей. А еще, и это вовсе не мои выдумки, между ними появилось молчаливое взаимопонимание мужчин, которые по-настоящему умеют ценить соблазнительную женщину, причем Мосх, временно потерявший меня, слегка завидовал, а Эвностий, обретший, хоть и в качестве тетушки, гордился.

– Будьте поосторожней в лесу, – крикнул Мосх нам вслед. От него пахло пивом. – Были дурные предзнаменования.

Предзнаменования? Какие? Как жаль, что я не вернулась и не расспросила его поподробнее. Дело в том, что Мосх был туповат и, вернись я, обязательно пристал бы ко мне со своими глупыми и занудными анекдотами.

– Надеюсь, он все же не наступит на своего поросенка, –

пробормотал Эвностий. – Я только что сочинил новое стихотворение:

Поросенок,
Крошка нежный,
Весел ты всю жизнь свою.
Отчего же неизбежно
Вырастаешь ты
В свинью?

Мы отправились дальше. Из-за кустов смущенно поглядывала на нас молодая медведица Артемиды, голубая обезьяна весело кувыркалась в вершинах деревьев. В Стране Зверей повсюду кипела жизнь. В те времена еще не надо было ни от кого прятаться и нечего было бояться. Мы, звери, то есть существа вроде кентавров, минотавров и дриад, сочетающие в себе черты людей и животных, не убиваем друг друга и, несмотря на то, что употребляем в пищу птиц и кроликов, никогда не охотимся ради развлечения. Я не хочу сказать, что опасности вообще не существует – попадают ядовитые змеи, летучие мыши-вампиры, можно повстречать и волка, Да и паниски – козлоногие мальчишки – прославились по всему лесу своим воровством. Но все же истинная причина того, что медведицы Артемиды всегда прячутся за кустами и боятся оттуда выходить, – их редкостная застенчивость.

Наша страна, наш лес – особые. Дубы, кипарисы и вязы,

тамариски³ и кедры; небольшие рощицы, холмы и лужайки все это встречается во многих частях Крита. Но мы, мы жили не в лесу, а вместе с ним и никогда не пытались покорить его, нанести раны, подчинить себе. Мы не рубили деревьев, чтобы построить дом, а просто брали у густых вязов несколько веток или срезали тростник, росший на берегу реки, и строили жилище среди деревьев. Нам было жаль уничтожать растительность у себя под ногами, и поэтому узенькие тропинки заменяли нам специально проложенные дороги. Лес был нашим домом, но мы всегда оставались его гостями, а не хозяевами. В то время мы еще были счастливы.

Минотавр цветами разукрасил гриву, С дерева спустилась юная дриада...

Он остановился:

– Какое слово рифмуется с гривой?

– Крапива, – сказала я, не задумываясь.

– Нет, это слишком мрачно и жгуче, ведь стихотворение очень радостное. Понимаешь, девушка готова ответить на его любовь.

– Прости, Эвностий. Я просто думала о предзнаменованиях, про которые говорил Мосх.

Я не сказала ему о том, что меня мучает предчувствие беды, а я никак не могу понять, откуда она может прийти. Дри-

---

³ Тамариск, или тамарикс – род деревьев и кустарников семейства гребенциковых. Иначе – гребенщик. Ветви покрыты мелкими чешуйчатыми или игловидными листьями, что создает сходство с кипарисом.

ады иногда предвидят будущее, это одновременно их счастье и проклятие, но видят они его неясно, будто вглядываясь со дна мутного ручья в туманные очертания на поверхности воды, пытаюсь определить, что там – кусок скалы, улитка или рыба.

Первым дурным знаком стала внезапно налетевшая буря. Послышался удар грома – и небо, еще минуту назад безоблачное, обрушило на нас потоки дождя. Даже стоя под дубом, мы насквозь промокли. Вода скапливалась над нашими головами, а затем под ее тяжестью ветви дерева прогнулись, и струи хлынули вниз. Волосы у Эвностия спутались, прилипли к голове, и показались его рожки цвета слоновой кости с розоватым отливом. Мое платье из водяной лилии облепило тело, как холодная змеиная кожа, и готово было разойтись по швам, грозя обнажить мои пышные прелести.

– Ну, это еще не беда, – сказала я. – Мы обсохнем у Коры дома. Думаю, Мосх имел в виду погоду.

Но буря принесла не только дождь. Небо уже очистилось, а над нашими головами так и осталось висеть большое черное облако. Внезапно мы заметили, что оно состоит из отдельных частиц или, скорее, живых существ. Нет, это было не облако, а нечто вроде стаи огромных птиц.

– Клянусь грудью Матери-богини⁴!..– воскликнул Эвно-

---

⁴ Клянусь грудью Матери-богини – Мать-богиня, Великая Мать – главное женское божество в большинстве мировых религий. Как правило, соотносится с женским творческим началом в природе, с землей. Великая Мать первоначально отождествлялась с функционально близкими ей в древнегреческой и древнерим-

ствий.

Он набрался всяких богохульных клятв, когда, после смерти родителей, стал водиться с разгульной компанией. Но меня не шокировали его слова, ведь это была и моя компания тоже.

– На нас напали грифы.

– Нет, – сказала я. – Не думаю, что это грифы. Они не черные, во всяком случае, не все. Смотри, вон там синие, красные, зеленые. Похоже, на них одежда. Мне кажется, что... да, я знаю кто это.

– Кто? – спросил он, полагаясь на мой опыт, накопленный за триста шестьдесят лет.

– Трии.

– Пчелиный народ? – воскликнул он. – С материка?

– Да, – ответила я. – Яркие – это королева и трутни. Темные – работницы. Должно быть, из-за бури они сбились с пути. Или, может, ищут себе новый дом.

– Не очень-то они симпатичные, правда? – Хвост его подергивался, будто отгоняя мух.

– Я никогда не встречалась с ними сама, но кентавры говорят, что они воры и делают всякие мелкие гадости. Способны ли они на что-либо худшее – не знаю.

Трии кружили над нами, переговариваясь. Голоса короле-

ской мифологии богинями: Геей, Реей, Деметрой, Персефоной. В поздней античности известна синкретическая Богиня-мать, ипостасями которой выступают различные локальные божества.

вы и трутней были высокими и мелодичными, речь работниц – монотонной и некрасивой. Они явно выбирали место, чтобы сесть. Вскоре рой разделился на шесть групп, в каждой была своя королева, и одна группа направилась прямо к нам. Я потащила Эвностия в заросли деревьев, но обернулась и взглянула прямо в лицо королеве, которая, как огромная стрекоза, зависла в воздухе почти над моей головой. Но смотрела она не на меня, а на Эвностия, словно увидев в нем, как бы это сказать, трутня для своего брачного вылета.

– Пойдем скорее, Эвностий, – быстро проговорила я, стараясь сделать так, чтобы он не оборачивался и не видел неприкрытую похоть на ее лице. – Какими бы они там ни были, к хорошему все это не приведет. Надо предупредить Мирру и Кору.

Мирра жила в стволе дуба, но, как и подобало дому дриады, чей покойный муж и большинство любовников кентаврами, он имел выход в небольшую пристройку – круглый домик из тростника, выкрашенный зеленой краской под цвет листьев. В нем было два окна с рамами из красной глины и очень высокий дверной проем, дверью же служили шкуры двух волков, так искусно сшитые вместе, что казалось, они принадлежат одному огромному зверю. Дом не закрывался, и только на зиму в окна вставлялись листы пергамента, защищавшие от порывов ветра и от ищущих пропитания летучих мышей-вампиров. Войдя внутрь ствола, надо было подняться по винтовой лестнице в верхнюю комнату, также

сделанную из тростника и расположенную, подобно птичьему гнезду, среди ветвей, только гораздо более аккуратную и красивую.

Мирра сидела внизу за ткацким станком и работала над ковром, на котором в несколько приукрашенном виде был изображен ее покойный муж (предположительно отец Кору). По замыслам вдовы он воплощал все самые лучшие качества своего племени – силу, мудрость и страстность. Сама Мирра была хрупкой, но при этом довольно крепкой – тоненькая, грациозная стареющая женщина, чьи некогда зеленые волосы уже поседели, а уши были изящны, как раковина багрянки⁵. Удивительно, что, несмотря на такую деликатную внешность, у нее было больше любовников, чем у кого бы то ни было во всем лесу, конечно, не считая меня. Вероятно, секрет ее успеха заключался в том, что она говорила «да», когда, казалось, скажет «нет».

– Мирра, со мной гость, – объявила я громко.

– Зоэ и Эвностий! – прошептала она. – Кора, спускайся скорее, к нам пришли.

Она жестом указала на скамью у стены, и я, опустившись на гору подушек, дала отдых своим уставшим ногам. (Вы, конечно, понимаете, что я не толстая, но тяжесть моей груди дает слишком большую нагрузку лодыжкам.)

---

⁵ ..уши были изящны, как раковина багрянки – багрянка (правильнее иглянка, или пурпурная улитка) – заостренная с одной стороны, спирально завитая раковина морского брюхоногого моллюска, имеющего пару пурпуровых желез, выделяющих секрет фиолетового цвета, из которого добывали пурпур.

– Я принесла тебе желуди, – сказала я. Она приняла мой подарок так, как если бы это были изумруды из страны желтолицых людей.

– Дорогая, мы устроим пир! Мое дерево почти не дало желудей в этом году. Мы поджарим их сегодня вечером. Но ты же промокла до нитки! И ты тоже, Эвностий. Надень одно из моих платьев, Зоэ, а я пока разотру Эвностия простыней.

Эвностий, конечно, ходил без одежды, как все молодые звери, да и многие старые.

– Трии, – объявил Эвностий, начиная согреваться от сильного массажа. – Прямо здесь, в лесу. Мы с Зоэ видели, как их принесла буря.

Мирра выронила простыню.

– Пчелиный народ! Не может быть!

Она начала рассуждать о вероломстве этого племени и о том, что теперь надо ждать беды. Мирра славилась своей болтливостью. Говорили, что, если ты хочешь что-то сообщить всему лесу, надо просто шепнуть об этом Мирре и взять с нее клятву, что она никому не расскажет.

В этот момент спустилась Кора. Она шла так тихо, что мы не слышали шагов, и только аромат дубовой коры и листьев сообщил о ее приближении. Она была высокой и стройной, но не худой и напоминала мне белый лотос. Красота ее успокаивала, а не возбуждала. Взглянуть на нее было все равно что опустить уставшие разгоряченные ноги в холодный ручей. Эвностий быстро подхватил простыню, подкатился ку-

барем к ногам Кору и бросил простыню ей. Она снисходительно улыбнулась, как улыбается молодая женщина пятнадцатилетнему подростку, и, стараясь не прикасаться к его голому телу, стала вытирать ему гриву.

– Мы всех видели – и королев, и работниц, и трутней, – рассказывал Эвностий, глядя на Кору с обожанием.

– Ну, на трутней можно не обращать внимания, – сказала Мирра. – Это никчемные лентяи, они вечно бездельничают в своих ульях или сидят под деревьями. Следить надо за женщинами. Я слышала о них, об этих королевах, от своего покойного мужа. Им только позволь – они станут выдергивать нитки прямо из ткацкого станка.

– Но трутни должны же делать кое-что, – высказал предположение Эвностий. – Иначе бы королевы их не держали.

Мирра укоряюще посмотрела на него. Подобно многим женщинам, ведущим себя весьма свободно, в присутствии Дочери она становилась необычайно стыдливой.

– Я же сказала, что опасаться надо королев. Интересно, что им потребовалось в Стране Зверей? У нас почти нечего украсть.

– Думаю, их просто занесло сюда бурей, – сказала я. – Будем надеяться, что они здесь не задержатся.

Вскоре мы заговорили на другие темы, и все почувствовали себя очень хорошо и уютно, хотя обычно мне становится грустно, когда я прихожу в дом, где две женщины живут одни, без мужчин. У Мирры все еще было много любовников,

правда, не постоянных, но восемнадцатилетняя Кора была самой «старой» девственницей в стране и являлась источником бесконечных тревог для своей матери.

Так как я недостаточно молода для Эвностия, то решила уступить его Коре и стала работать над созданием их будущего союза. Эвностий был последним минотавром, и мне казалось, что Кора, избавившись от своей непорочности, могла бы родить ему хороших сыновей. Вы, конечно, понимаете, что отпрыски минотавра и дриады не являются гибридами. Сыновья – это минотавры, дочери – дриады. В Стране Зверей живет несколько племен, но они либо мужские, либо женские, за исключением кентавров, у которых есть свои собственные женщины, хотя им весьма нравятся и другие. Люди задают вопрос, для чего Великая Мать создала так много племен, состоящих из однополых существ, и, чтобы размножаться, они должны смешиваться? Ответ прост: она любит многообразие. Ей нравится, когда противоположности сближаются. Она хочет, чтобы ее многоликие дети ценили не только сходство, но и различие.

– А теперь мы выпьем вина и поедим медовых лепешек. Черничное вино подойдет?

– Лучше не бывает!

– И ты тоже можешь налить себе, Эвностий. Ведь ты уже совсем взрослый бычок! (Я не стала говорить ей, что Эвностий никогда не пил молоко, если мог получить вино, а вообще-то предпочитал пиво, и все это из-за того, что водился

с дурной компанией.)

— Когда я закончу платье для Кору, мне надо будет сшить тебе набедренную повязку.

Она достала из шкафа кувшин и начала разливать вино по деревянным кружкам.

— Мой муж сам их вырезал, — сказала она, — и я ни за что не променяла бы их даже на серебряные.

Глиняная печь пылала жаром, по комнате растекался запах лепешек с изюмом; гостеприимство и радушие, казалось, принимали осязаемую форму и все время были рядом с тобой, как домашний поросенок кентавра. Я даже перестала обращать внимание на звук падающих капель водяных часов. Кто же знал, что мы вчетвером так мирно сидим вместе в последний раз?

— Эвностий, ты проводишь меня? — спросила я, когда сквозь пергамент на окнах уже больше не пробивались лучи солнца.

К этому времени Эвностий уже перешел к чтению стихов, которые Кора слушала с легкой одобрительной улыбкой, но у меня было странное чувство, что слушала она вовсе не его.

Глава II

У входа в дерево Коры стоял Эвностий и раздумывал, не стоит ли покричать, чтобы она вышла. Если он постучит в дверь – ответит Мирра и, прежде чем позвать дочь из верхней комнаты, обрушит на него свой нескончаемый поток речи. Рядом с Эвностием стоял его приятель, паниск Партридж, который все время давал советы. Ему было лет тридцать. Обычно козлоногие завершают свое умственное и физическое развитие годам к пятнадцати. Что же касается Партриджа, то по уму он тянул лишь на двенадцать. Это был толстый волосатый паниск, на его боках вечно болтались колючки, а из-за того, что он жил в норе, шерсть всегда была в песке. От него постоянно пахло луком, и даже сейчас он продолжал жевать перышки луковой травы. Но Эвностий любил его, так как Партридж считался чем-то вроде изгоя среди своих сородичей. Будучи слишком толстым, он не принимал участия в их грубых, хулиганских выходках, но, и участвуя, не получал бы от этого удовольствия – дело в том, что он был очень добрый.

Между Эвностием и Партриджем, глядя на дерево и лоя своими усиками колебания воздуха, съезжившись, сидел тельхин Бион – восьминое, напоминающее муравья существо, живущее под землей, обрабатывающее своими твердыми, как металл, передними лапками, похожими на клешни,

драгоценные камни. Они делали кольца, браслеты, ожерелья, а также разную косметику, вроде краски для век или карминовых румян⁶. Все это обменивалось ими у дриад и девчонок-медведиц на фундук и пшеничный хлеб. Он был гораздо умнее обезьян и котов, но не столь умен, как звери. Как и Партридж, Блон был другом Эвностия.

– Ну, давай, позови ее, – уговаривал Партридж, продолжая яростно грызть свою луковую траву.

– Кора, – почти прошептал Эвностий.

– Эвностий, да крикни как следует, чтобы она услышала.

– КОРА, я пришел в гости! – Он помахал пучком фиалок и с отчаянием посмотрел на балкон, который огибал ствол и верхнюю комнату.

Кожаная занавеска с шорохом отодвинулась, и на балконе появилась Кора. На ней было зеленое льняное платье, вышитое белыми нарциссами, лицо тоже было белым, как чистейший, без единой прожилки, мрамор, залегающий в земле еще с тех пор, как Великая Мать жила на этом острове задолго до прихода людей и зверей. Волосы цвета плюща, освещенного солнцем, завитками ложились на плечи. Кора не носила ни колец, ни браслетов, и лишь на шее была подвеска – серебряный кентавр, который, как она считала, очень походил на ее отца. Но Эвностия привлекали не какие-то от-

---

⁶ ...вроде... карминовых румян – кармин (от франц. carmin – кошениль и лат. minium – киноварь) – красный краситель, добываемый из тел бескрылых самок насекомых – кошенили.

дельные черты, его притягивала окружавшая ее атмосфера недоступности и чистоты. Она напоминала неисследованную пещеру или тихую подземную реку – скрытую, заманчивую и немного пугающую.

В свои восемнадцать Кора казалась Эвностию намного старше, и оттого становилась еще более привлекательной. Если бы она не была столь красива, ее, наверное, считали бы старой девой. (Да, у нас в Стране Зверей тоже есть эти несчастные, так же как и огромное количество беспутных холостяков.) Ее называли равнодушной, надменной, холодной, но никогда не говорили, что она никому не нужна. В действительности все было не так. Она просто ждала, но сама не знала, чего именно.

– Эвностий, – сказала она, выйдя на балкон, – ты пришел к маме?

– Я пришел к тебе, – впервые признался он, хотя в последние несколько месяцев часто бывал в их доме, делая вид, что навещает Мирру, несмотря на то, что та болтала без умолку, как воробей на рассвете. – Спускайся ко мне.

Его хвост так и ходил из стороны в сторону – он очень волновался.

Она ответила не сразу. «Наверное, слышала о моих похождениях», – подумал он не без гордости. В пятнадцать лет приятно, когда тебя считают хитрым соблазнителем.

– Хорошо.

Эвностий был благодарен, что Кора не убежала кокетли-

во в свое дерево принарядиться или украсить волосы черепашовым гребнем. Казалось, она не осознавала своей красоты, а считала ее скорее помехой, из-за которой бесчисленные кентавры, начиная с подростков и кончая выжившим из ума Мосхом, постоянно стучались к ней в дом. И не успел еще светлячок промерцать шесть раз, как девушка вышла из двери внизу.

– Отдай ей цветы, – зашипел Партридж, настолько переживавший за своего друга, что ему можно было за это простить и запах лука, и колючки, повисшие на боках.

Конечно, он не отличался большим умом, но знал, что надо делать, когда дриада стоит в дверях. Эвностий тоже знал, как себя вести, но только с более доступными дриадами. Мой друг Миртл просветил его на сей счет еще в одиннадцатилетнем возрасте. В последний же год, осиротев, он болтался по всему лесу без присмотра, ночуя в пещерах и норах или прямо под деревьями, пустился во все тяжкие вместе с молодыми кентаврами и начал жить с дриадами, но каким-то образом умудрился сохранить хорошие манеры и внутреннее благородство, привитые ему матерью-дриадой и отцом-минотавром.

Эвностий протянул Коре цветы, и она взяла их. От волнения он с силой размахивал хвостом и переминался с копыта на копыто.

Фиалки начали вянуть – он слишком долго продержал их в своем разгоряченном кулаке, но Кора приняла букетик так,

будто это были розы, хотя ничего не сказала – она вообще говорила редко. Молчание окутывало ее, как подвенечный наряд. (Когда звери ухаживали за ней, они думали о свадьбе, а не об оргиях, точно так же, как они думали об оргиях, а не о свадьбе, когда ухаживали за ее матерью или за мной.) Но вот Кора улыбнулась и ласково потрогала рога Эвностия.

– Дорогой Эвностий. Цветы чудесные.

Она была очень тактичной, ведь дриады не выносят, когда растения вырывают с корнем из земли, срезают или калечат каким-либо другим способом. Мы предпочитаем оставлять цветы на кустах, а кусты в земле. А если мы и едим желуди, то для того, чтобы они не достались белкам или чтобы запастись энергией на то время, пока мы находимся вдали от своих дубов.

Охваченный порывом чувств, Эвностий схватил Кору за руку и с силой увлек за собой. Фиалки упали на землю, ветер растрепал ее волосы, взметнул вверх длинное платье, и тут неожиданно она рассмеялась.

– Твой смех напоминает мне звон колокольчиков, – сказал Эвностий. – Тех, которые кентавры вешают у себя на окнах.

– Разве я смеялась? – спросила она. – Я даже не заметила.

Почему она не сказала: «Я смеялась от счастья, что ты рядом со мной»? Но такова была Кора – абсолютно бесхитростна и от этого еще более пленительна.

– Куда мы идем, Эвностий?

– Увидишь.

Бион отправился было следом – на восьми лапках нетрудно было угнаться за ними, – но Партридж остановил его громким окриком:

– А ты куда, идиот? У них свидание.

У Партриджа никогда не было женщины, – но в его жирном теле таилась благородная, романтическая душа, и ему нравилось представлять своих друзей героями бесконечных любовных приключений.

Бион опустил свои усики и помрачнел. Тельхины понимают простейшие слова, и «идиот» застряло у него в голове. Партридж похлопал его по твердому боку.

– Я хотел сказать не «идиот», а «простофиля», – извинился он.

Словарный запас Партриджа был невелик, и он считал, что «простофиля» означает «простой», а вовсе не «глупый». К счастью, слово было новым для Биона, и он успокоился. Они сели под дерево и стали ждать возвращения своего друга.

Эвностий повел Кору через кипарисовый лес и заросли, где прыгали в поисках еды голубые обезьяны, а из кустов выглядывали любопытные, никого не боявшиеся кролики. По дороге им попался паниск, который тыкал палкой в перевернутую черепаху. Эвностий выхватил у него палку, поставил несчастное животное на ноги и подождал, пока оно проковыляет в безопасное место.

Паниск, которого звали Флебий, выкрикнул какую-то

непристойность, и Эвностий повалил его на траву ударом в живот.

– Несорванный виноград засыхает и превращается в изюм, – кричал им вслед Флебий, но Эвностий был слишком счастлив, чтобы задумываться над метафорой.

Девчонка-медведица, собиравшая ежевику, бросила свое ведро и пошла за ними следом. Ей не требовалась одежда или украшения, мех на голове был похож на маленькую круглую шапочку, из которой, как кокетливые перышки, торчали уши, мех на теле вполне мог заменить шубу, а круглый хвост напоминал большой орех. На шее у нее висели бусы из черных ягод гибискуса⁷. Эвностий, хотя ему и нравились девчонки-медведицы, не любил, когда они за ним увязываются в подобных обстоятельствах.

– В кипарисовой роще я видел свирепого медведя, – сказал он.

Этих слов было вполне достаточно, чтобы девчонка побежала прятаться. Хотя медведицы считали, что происходят от богини Артемиды и благородного бурого медведя, тем не менее они были убеждены, что современные медведи, забыв об этом достойном союзе, стали относиться к ним как к редкостному лакомству. (Правда, никто не мог припомнить случая, чтобы медведицу съел кто-нибудь другой, кроме вол-

---

⁷ На шее... висели бусы, из черных ягод гибискуса – гибискус – вечнозеленые или листопадные деревья семейства мальвовых. Многие виды декоративны. Из лепестков получают краску для пищевых продуктов и тканей.

ка. Надо иметь слишком крепкий желудок, чтобы переварить столько меха.)

Наконец они вышли на просеку, где стоял большой ствол некогда самого старого и огромного дерева. Это был дом Эвностия. Год назад в него ударила молния. Именно тогда Эвностий потерял своих родителей и, насколько мне известно, после их смерти уже не жил в этом грустном месте.

– Эвностий, – воскликнула Кора, – после того, как ты обрубил все обгоревшие ветви и оставил только нижнюю часть ствола, он стал похож на маленькую круглую крепость. Подумать только, это дерево уже росло, когда Крит еще населяли титаны⁸. Тогда все было таким большим. Ты живешь здесь сейчас?

– Нет еще, – сказал он таинственно. – Заходи.

Они вошли в дверь, державшуюся на деревянных петлях, и оказались внутри ствола. Он был полым, крыши над ним не было. В центре ствола стоял круглый бамбуковый домик, с одной стороны от которого Эвностий развел огород, где морковь выстроилась рядами, как королевская гвардия, и капуста лениво развалилась на грядках, напоминая толстых евнухов; цветы же, росшие с противоположной стороны – шиповник и водосбор, – были их королями и королевами.

– Как здесь хорошо! – сказала Кора. – Два сада и домик

---

⁸ Титаны, – в греческой мифологии сыновья Урана (Неба) и Геи (Земли), шесть братьев и сестер, давших начало великому племени богов первого поколения. Были побеждены Зевсом и низвергнуты в Тартар.

между ними. – Все вокруг было таким изящным, что Кора с трудом могла поверить, что этот вроде бы неловкий мальчик смог сам сделать островерхую крышу, вырезать окна, похожие на узкий серп луны, и дверь, напоминающую полумесяц.

В первой комнате в глиняном полу был сооружен бассейн. Из него бил фонтан, который освежал воздух, подобно ветерку, прилетевшему со снежной вершины горы Иды⁹. На песчаном дне лежали подарки Биона – драгоценные камни: сердолик, аметист, берилл¹⁰ – и стояла маленькая крепость, сделанная из морских раковин, которые Эвностий выкопал из земли, – память о тех временах, когда на месте леса плескались волны Великого Зеленого моря.

– В крепости живет черепаха, – сказал Эвностий.

Он очень любил черепах, – они такие сдержанные и независимые, совсем как Кора, и так не похожи на него самого.

Но Эвностию не были чужды и повседневные заботы. Ведь минотавры не только отличаются сильно развитым чувством прекрасного, но и чрезвычайно трудолюбивы. (Може-

---

⁹ ...прилетевшему... с вершины горы Иды – гора Ида – самая высокая на о. Крит. На ее лесистых склонах Гея укрыла от кровожадного Кроноса, пожирающего своих детей, только что родившегося Зевса, где он был вскормлен козой Амалфеей.

¹⁰ Сердолик, или карнеол – полудрагоценный поделочный камень, розовая или красная разновидность халцедона. Аметист – драгоценный камень, фиолетовая разновидность кварца. Берилл – минерал зеленого, желтовато-белого, серого цвета. Бериллом называют несколько разновидностей этого минерала, в частности аквамарин. Собственно берилл довольно редко используют в ювелирном деле.

те, конечно, называть их не художниками, а ремесленниками, но тогда этот образ утратит присущие ему черты утонченного эстетизма). Рядом с фонтаном, но так, чтобы на него не падали брызги, стоял бамбуковый стул с перекрещенными ножками. На нем лежали подушки.

– Подушки вышила Зоэ, – признался он, – но набивал их я сам.

Он знал, что дриадам нравятся подушки, набитые мхом, хотя мох и портит их деревья.

– Есть еще кровать, – добавил Эвностий несколько неуверенно, боясь, как бы Кора не заподозрила его в дурных намерениях. – В соседней комнате.

Кровать представляла собой бамбуковую раму, закрепленную на высоких устойчивых ножках-копытцах. На раму была натянута волчья шкура.

– А еще есть плита из красного кирпича, и кастрюли, и – вот, посмотри, кладовая с запасами.

Он показал ей кувшин с жареными желудями, миску с улитками в оливковом масле, сыр из медвежьего молока, корзину с хрупкими воробьиными яйцами и пирог с мясом горноста.

– Этот пирог испекла Зоэ. Я не умею готовить. А ты, наверное, умеешь.

– Эвностий, мне очень нравится твой дом.

– Наш дом, – поправил он. «Конечно, она умеет готовить, – подумал он. – Зоэ наверняка научила ее».

Кора ничего не ответила. Она села на стул, уткнулась в подушку и заплакала. Плакала она тихо, но слезы текли рекой.

Эвностий, который не привык к этому и уж совсем не ожидал слез от всегда сдержанной Кору, встал рядом с ней на колени, откинул ее волосы и поцеловал в кончик острого ушка – у дриад это самое чувствительное место. Только тот, кто их любит по-настоящему, может позволить себе такую вольность.

– Тебе не понравился мой дом, – сказал он, но в его словах не было упрека. – Чересчур маленький и слишком простой. Наверное, это потому, что я сирота и у меня плохой вкус.

– У тебя великолепный дом.

– Значит, дело во мне. Я кажусь тебе грубым. У меня грязные копыта и растрепанная грива.

Она посмотрела на него своими ярко-зелеными глазами, которые даже сквозь слезы казались кусочками малахита:

– Нет, Эвностий. Дело совсем в другом.

– Наверное, я слишком молодой и неопытный? Но я уже целый год живу один, а сироты взрослеют быстро. Мы, – нотка гордости зазвучала в его голосе, а грудь расправилась и стала шире дюйма на три, – мы с ребятами уже год как ходим к дриадам.

– Я знаю. Неужели ты думаешь, что мама мне ничего не рассказывает? Не нужно извиняться.

– А я и не извиняюсь, – пробормотал он.

– Я на тебя не сержусь. Что же еще делать молодому бычку, если у него нет своей семьи?

– Раз я не грубый и не чересчур молодой...

– Ты ничего не сказал о любви.

– Я же показал, как я к тебе отношусь. Разве это не одно и то же?

– Дриады любят, когда им об этом говорят.

– Я люблю тебя, Кора.

– Почему ты любишь меня, Эвностий?

– Потому что... потому что ты красивая.

– Через пятьсот лет я превращусь в уродливую старуху.

– А я стану старым маразматиком, как Мосх, и не замечу этого.

– У меня не такая грудь, как у Зоэ.

– Она будет развиваться.

– Как сильно ты меня любишь?

– Больше, чем свой новый дом. Больше, чем друзей – Партриджа и Биона.

– Надеюсь.

– Больше, чем всех остальных дриад в лесу.

– Даже больше, чем Зоэ? (Вот мерзавка! А я еще пекла для нее пирог и шила новые полотняные подушки.)

Он задумался.

– Я очень люблю Зоэ как тетушку и как друга. Но тебя я люблю больше. (Я вынуждена сказать это вместо него.)

– Продолжай.

– Я буду работать для тебя! Знаешь, в саду есть люк, который ведет в подземную мастерскую. Это там я сделал стул и кровать. Я буду делать разную мебель и зарабатывать этим на жизнь. Кора, я хочу стать столяром!

– Тебе это подойдет.

– А тебе?

– Столяр – звучит не очень поэтично.

– Возьми желуди, – сказал Эвностий с отчаянием, изо всех сил пытаясь придумать стихотворение. И тут ему на память пришли стихи, написанные уже давно для другой дриады. Конечно, слишком сентиментальные, но дриады и, как подсказывал ему опыт, вообще женщины, обожают все сентиментальное. Правда, стихи были о морской птице, а не о лесной, но для данного момента они могли подойти.

О Альциона¹¹, любовь моя,
Над морем в ясной вышине
Из шелка сеть раскинул я,
Но не слетела ты ко мне.
О Альциона, любовь моя,
Над морем в ясной вышине
Простер пустые руки я.
И прилетела ты ко мне.

– Дорогой Эвностий, никто никогда не посвящал мне таких очаровательных стихов!

---

¹¹ Альциона – старинное название зимородка.

– Значит, ты будешь жить со мной в моем доме?

– Ты действительно делаешь мне предложение?

– Мы устроим самую пышную свадьбу во всей стране. Зоз будет играть на флейте, а Мосх поведет танец Питона. Мы позовем всех кентавров и медведиц Артемиды, а из панисков только тех, кто, вроде Партриджа, не напивается. Как ты думаешь, Кора?

Она отвернулась от него, прошла по кухне, оборудованной с любовью и вкусом, и опять вошла в комнату с фонтаном. Затем долго смотрела на воду.

– Не сейчас, Эвностий. Я все еще жду.

– Что же ты ждешь, Кора?

– Не знаю, – сказала она. – Понимаешь, у меня бывают видения. Я вижу то, что происходит вдали от Страны Зверей: дворцы, людей, корабли, носы которых украшены фигурами драконов, большие красивые повозки с разноцветными балдахинами. Их тянут животные, похожие на нижнюю часть кентавра.

– Это лошади. Он читал «Стук копыт в Вавилоне».

– И здесь же, на Крите, я вижу дам в длинных, напоминающих колокольчики юбках и мужчин, которые состязаются с быками.

– Лично я, – сказал Эвностий, – не считаю, что это хорошо – состязаться с быками, держать их в загоне, а потом, может быть, вообще пустить на мясо.

– Критяне не убивают быков¹². Во всяком случае на арене. Мужчины и быки выступают вместе. Для животных, которые считаются священными, это большая честь, а мужчины очень храбрые и ловкие.

– Понятно, – сказал он, успокоившись насчет быков, – и тебе это нравится?

– Не знаю, надо сначала посмотреть.

– Ты собираешься отправиться в путешествие? Как кентавры, на плоту?

– Ты же знаешь, что я не могу далеко уйти от своего дерева.

– Но можно построить плот из дубовых бревен. – Это была не просто обмолвка, это было уже святотатство.

– И убить все эти деревья? Нет, ни за что. Мне придется ждать здесь, пока кто-нибудь из них не придет сюда сам.

– Ну, бык-то не придет, в этом можно не сомневаться. Во всяком случае тот, который выступает. («Какая же ты глупая, Кора, – подумал Эвностий и чуть не заплакал, – разве ты не видишь, что здесь, в доме, рядом с тобой уже есть бык?»)»

– Пойдем в сад.

Эвностий не любил долгих бесед. Красноречие его проявлялось лишь в стихах на пальмовом листе. Когда же начинались разговоры, он становился таким же немногослов-

---

¹² Критяне не убивают быков... Для животных, которые считаются священными... – Быки считались священными, так как бык считался воплощением Зевса Критского. Именно в образе быка Зевс похитил Европу, переплыл с ней море и высадил на Крите.

ным, как Парtridge, и особенно в обществе Кору. Пора было предпринять следующий шаг. Фиалки завяли, но оставались шиповник и водосбор.

– Не надо, Эвностий, – закричала она, когда он наклонился, чтобы сорвать большой бутон, готовый раскрыться во всем своем малиновом великолепии. – Пусть растет. Так он проживет еще несколько дней. А, сорвав, ты убьешь его!

Он выпрямился. Руки его были пусты.

– Мне нечего тебе подарить.

Он хотел прочитать стихотворение, написанное специально для нее, но слова застряли у него в горле.

– Придется подождать, пока я вырасту. Когда мне будет шестнадцать, а тебе девятнадцать, мы уже почти сравняемся. Что бы ты ни говорила, разница в возрасте все-таки чувствуется.

Она дотронулась до его рогов, посмотрела на него с глубочайшей нежностью и улыбнулась:

– Я не могу заставлять тебя ждать, Эвностий.

– Мне это не трудно. – Он подумал об уступчивых, окутанных запахом листвы дриадах, мягких, как их похожие на гнездышки постели. Они шли к нему в объятия, вскрикивая от предвкушения, и покидали их со вздохами благодарности: «Эвностий, когда ты успел так много узнать? Мосху четыре ста лет, а он мог бы поучиться у тебя!» Податливые дриады. Благодарные дриады. Сможет ли он отказаться от всех этих удовольствий на целый год? Возможно. В пятнадцать лет все

кажется осуществимым (а случайные прегрешения прости-тельными).

– Понимаешь, милый, может быть, скоро я найду то, чего жду. И я буду ждать своего счастья.

Вдруг на землю упала тень – и сразу поблекли все цветы. Взглянув на небо, Кора воскликнула:

– Эвностий, кто эта красивая женщина с крыльями? Это, наверное, одна из тех пчелиных королев, о которых ты нам рассказывал?

– Мне она не кажется красивой – слишком тощая, – сказал он. – И вообще, она не имеет права шпионить за нами, даже если она и королева!

– Мне кажется, она шпионила за тобой, – сказала Кора после того, как королева, спикировав над ними, исчезла за краем ствола. – Она как будто оценивала тебя.

Уж не появился ли оттенок ревности в ее голосе? Во всяком случае, когда они вышли из ствола и направились к ее дереву, она держала Эвностия за руку. Такую вольность она не позволяла себе ни с одним мужчиной, кроме покойного отца. «Конечно, – думал Эвностий, – не исключено, что она относится ко мне, как к своему младшему брату. Но с другой стороны...»

Лес с удивлением наблюдал за ними, строя догадки. Дев-чонка-медведица вылезла из своего укрытия в корнях дере-ва, забыв про свирепого медведя, и с таким любопытством смотрела им вслед, что просыпала из ведра всю ежевику.

Флебий, прятавшийся за платаном, понимающе ухмыльнулся: «Ну что, сорвали виноград?» Партридж и Бион все еще болтались около дерева Кору. Ее мать приглашала их зайти и выпить чаю из котловника, или, как его еще называли, кошачьего хмеля, но она вываривала листья так долго, что хмеля-то в них и не оставалось, а без хмельного Партридж не согласен был выслушивать ее нескончаемые монологи. Он отклонил приглашение под «неоспоримым» предлогом, что не одет соответствующим образом.

– Ну, как? – закричал он, когда Кора была уже в своем дереве, а слегка ошалевший минотавр стоял рядом с ним. – Судя по тому, что она держала тебя за руку, вы нашли общий язык.

– Я буду ждать, – сказал Эвностий.

– Ждать! Сколько?

– Не знаю. Может быть, год. – Партридж с такой злостью топнул ногой, что на дерне остался глубокий след:

– Эти мне девственницы! Да я в любое время найду себе покладистую дриаду (Бедный Партридж. Когда дело касалось его, все дриады сразу становились непкладистыми.)

– Я с этим покончил, – сказал Эвностий, но в его голосе прозвучали грустные нотки.

Глава III

Кора проснулась, когда косой солнечный луч, нежный, как побег виноградника, погладил ее по лицу. Она спустила ноги на пол, покрытый мхом, нащупала сандалии и, подойдя к шкафу из кедрового дерева, вынула оттуда зеленое полотняное платье и накидку, будто сотканную из лепестков красных и белых роз. Затем она умылась дождевой водой, собранной с веток дерева в чашу. Ей не нужно было смотреться в зеркало, она знала, что волосы в порядке и можно не причесываться. Спала она всегда очень спокойно, даже когда видела сны.

Кора вышла на балкон и взглянула на ветви дерева, укрывавшие листвой ее комнату, как заботливые руки киклопа.¹³

– Отец-дерево, – прошептала она. – Я хочу купить Эвностию подарок.

Она всегда разговаривала с деревом, прежде чем отправиться по своим делам. В этот раз дерево задрожало от удовольствия, как животное, которое погладили. Она получила одобрение. Дереву нравился Эвностий. Кора вернулась в комнату и спустилась по лестнице, расположенной внутри

---

¹³ ...как заботливые руки киклопа – киклопы, или циклопы – рожденные Геей великаны с одним глазом посреди лба. Они выковали Зевсу громы и молнии, Аиду – шлем-невидимку, Посейдону – трезубец. Часто их изображают силачами, людоедами, жестокими и грубыми, живущими в пещерах на вершинах гор.

ствола, вниз. Остановившись у постели спящей матери, она посмотрела на ее хрупкую фигурку. Мирра всю ночь развлекала кентавра и наверняка не проснется раньше полудня. Бедная мама. Она ни о ком не мечтала и довольствовалась весьма простым обществом.

Кора раскрыла объятия утру, своему единственному любовнику, его солнечным лучам, ароматам, траве, на которой, как кусочки слюды, поблескивала роса. Мечтания прервал стук над головой. Дятлы начали долбить ветви ее дерева. Пришлось запустить в нахальных птиц желудем. Она всегда радовалась, когда прилетали ласточки и соловьи, но дятлы своими грубыми клювами наносили раны дереву-отцу.

Ее очень растрогало то, что Эвностий сделал ей вчера предложение. Она не собиралась давать согласие или заставлять Эвностия и дальше ухаживать за собой. Но вместе с тем ей не хотелось его терять. Трудно было представить себе лучшего мужа, чем он. Нежный и сильный, в меру верный, столяр и в то же время поэт. Но хотела ли она стать женой минотавра, она, которая мечтала о городах, дворцах, о храбрых и ловких критянах, состязающихся с быками?.. Ей надо было подобрать Эвностию подарок, красивый, но не слишком интимный. Подарок сестры, а не любовницы. Но что?

Медведицы Артемиды славились своими ожерельями из черных ягод гибискуса, кроме того, они собирали на продажу малину; но как только она представила себе Эвностия с ожерельем, ей сразу стало смешно, а ягоды он мог набрать

и сам. Беспутные паниски вообще ничего не изготавливали. Тельхины занимались чеканкой по металлу и делали украшения с драгоценными камнями как для мужчин, так и для женщин, но она не могла вообразить себе кольцо на толстом пальце Эвностия. Если бы он хотел иметь такое кольцо или серебряные наконечники для рогов, которые были очень модными во времена его отца, Бион давно бы их ему сделал. Оставались кентавры, практичные земледельцы, которые производили большую часть продуктов в стране: зерно, оливковое масло и молоко, а также весь сельскохозяйственный инвентарь – грабли, мотыги и плуги для быков. Раз у Эвностия есть сад, она купит ему мотыгу или тяпку (плуг для быка казался ей не совсем уместным подарком для минотавра и, кроме всего прочего, он был велик для маленького садика).

Но, вспомнив сон, который она видела прошлой ночью, Кора забыла об Эвностий. Сон? Нет. Она слишком ясно все видела и слишком хорошо все помнила. Теперь почти каждую ночь ее душа на время оставляла тело, и ей виделись картины ужасные и восхитительные. То, что предстало перед ней прошлой ночью, было действительно прекрасным, хоть и немного страшным: молодой принц стоял у бассейна с голубыми лотосами и серебристыми рыбками. Рядом с ним была девица с раскрашенными сосками (явно распутница). Они разговаривали. Затем он вышел из дворца, направился к тамарисковой роще и скрылся в ней, а девица пошла за ним

следом.

Кора пыталась окликнуть принца, но не знала его имени. И все же, похоже, ее зов был услышан. Он страстно обнял тамарисковое дерево, а ее тело отозвалось сладостной мукой, названия которой она не знала.

– Кора!

Паниск встал на ее пути. Флебий. Он был самым крупным из панисков и выглядел лет на пятнадцать. У него были длинные крутые рога, а ноги обросли грубой рыжей шерстью.

– Куда ты идешь?

– В город кентавров, – ответила она не очень любезно.

Правда, и вопрос был задан не слишком вежливо, но самого Флебия Кора даже жалела – жизнь его была бесцельной и бессмысленной.

– Почему бы тебе не зайти ко мне?

– Мне надо обменять эту полотняную накидку на мотыгу.

Паниски никогда не принимали ванну, не стриглись и не мыли копыт. Они выглядели так, будто только что вывалялись в куче мусора, выметенного из дома после большой уборки. Кора с удовольствием отмыла бы Флебия, но она знала, что паниски боятся воды примерно так же, как рыба суши. «Бедный маленький бродяга, – подумала она, стыдясь своего отношения к нему. – Неудивительно, что он так живет и так выглядит, ведь рядом нет никого из взрослых, кто мог бы им заняться». Она и не думала бояться его. Паниски никогда не делали ей ничего плохого, не считая двусмыслен-

ного высказывания Флебия о винограде, превращающемся в изюм. Вдруг Флебий схватил накидку, но Коре удалось выдернуть ее у него из рук. Он ухмыльнулся:

– Я ведь тоже могу обменять. Отдай ее мне.

Кора ускорила шаг. Один паниск не представлял для нее опасности. Несмотря на кажущуюся хрупкость, она была ловкой и подвижной, и ей нетрудно было увильнуть от его острых рогов. А если он приведет своих приятелей? Флебий, не торопясь, сошел с тропинки, и в тот же момент кусты вокруг нее затрещали. Послышались топот копыт, хлопанье хвостов и пошлые шуточки. Кора побежала. Дубовые рощи дриад остались далеко позади, и среди мертвенных конусов кипарисовых деревьев с их красновато-коричневыми листьями ей некому было помочь, не видно было даже ни одного кентавра. Она буквально вылетела на поляну. Слава Зевсу, здесь деревьев нет. Они всегда были ее друзьями, но сейчас за ними могла скрываться засада. При ярком свете утреннего солнца среди маргариток и лютиков она уже ничего не боялась. Волки обычно прятались в темных местах, а летучие мыши-вампиры могли летать лишь в густой тени, и сами были похожи на тени. Однако, несмотря на солнце и яркие цветы вокруг, банда панисков – их было восемь – появилась из-за деревьев. Улыбаясь, медленно, но решительно они стали ее окружать. Да, это были дети, но дети, сбившиеся в банды, страшны. Они взялись за руки, и Кора оказалась в живой тюрьме.

– Что вам надо? – спросила она, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

Смешки, блеянье, а затем тишина. Они начали кружиться вокруг нее, слегка раскачиваясь из стороны в сторону, будто исполняли какой-то ритуальный танец, посвященный Богине-Луне. Движения их все убыстрялись. У Кору закружилась голова.

– Тебе это нужно? – крикнула она и швырнула Флебию полотняную накидку.

– Да, – сказал он, поймав накидку на лету, нацепил ее на свои волосатые плечи и стал скакать по траве, как пьяная менада.¹⁴

«Может быть, – подумала Кора, – удастся прорваться сквозь цепь в том месте, откуда он вышел».

– И это? – Она бросила ему свое кольцо-инталию¹⁵, которое ей вырезали тельхины.

– Да.

Вырваться было невозможно. Теперь они расцепили руки, но только для того, чтобы схватить ее, шлепнуть или ткнуть в нее своими волосатыми пальцами.

---

¹⁴ ...стал скакать по траве, как пьяная менада – менады, или вакханки – низшие божества, служительницы культа Диониса (Вакха), участвующие в празднествах (мистериях) в его честь. Славились пьянством и распутством. В переносном смысле – крайне возбужденные, неистовствующие женщины.

¹⁵ ...бросила ему свое кольцо-инталию – кольцо-инталия (от итал. *intaglio* – резьба) – кольцо из драгоценного или полудрагоценного камня с врезанным (углубленным) узором.

– Что вам еще нужно, грязные мальчишки?

Флебий откинул голову назад и засмеялся. Казалось, будто одновременно заблеяло с десятков козлов. Дети так не смеются.

Паниски были слишком ленивыми, чтобы сооружать себе дома. Они пользовались тоннелями, норами и другими строениями, оставленными гигантскими бобрами, некогда жившими в этой стране и ставшими первыми жертвами Войны с Волками. А так как паниски были ворами, они тщательно закрывали вход в тоннели кустами и камнями, чтобы скрыться от своих преследователей.

Компания Флебия занимала домик, построенный из грязи и веток в середине небольшого озера, которое некогда перекрыли плотиной бобры. Во времена бобров в доме был сухой этаж и крытый бассейн, но паниски не любили воду и завалили бассейн землей, чтобы попасть в дом, им приходилось карабкаться по тоннелю, прорытому под озером и имеющему выход прямо в круглую комнату с низким потолком. Комната эта была неимоверно грязной. Первоначальные обитатели дома, народ простой, но аккуратный, пришли бы в ужас, увидев кучи гниющих листьев, служащих постелями, побитую молюю волчью шкуру, расстеленную на куске дерева, – сооружение, которое с очень большой натяжкой можно было назвать столом, и грубые глиняные горшки, причем некоторые были опрокинуты и валялись в лужах сока, а от других отвратительно пахло давно скисшим молоком или прогорк-

лым оливковым маслом. Все хорошие вещи были ворованными: платье украли прямо с ткацкого станка дриады, секатор пропал у Хирона из виноградника на прошлой неделе, драгоценные камни похитили из мастерской тельхинов. А там – что это за туника, сделанная из незнакомого поблескивающего материала, которую кто-то аккуратно разгладил и повесил на стену? Она явно не из шерсти и не из полотна.

Что касается самих жильцов, то там обитали двенадцать, нет, тринадцать панисков и четыре медведицы Артемиды – потерявшие всякий стыд девчонки, водящие компанию с козлоногими. Мальчики и девочки обычно завершают свое физическое развитие в возрасте от двенадцати до пятнадцати лет, а половая зрелость наступает у зверей в одиннадцать или двенадцать, и они нередко вступают в связь друг с другом, причем весьма недолговечную. Зачастую на несколько мальчишек приходится одна общая девица.

В результате этой связи появляется на свет потомство. Двое из четырех медведиц флегматично баюкали младенцев – малютку-медвежонка и панисенка.

Племя отказалось от этих девчонок. Они не обладали тонким очарованием своих более культурных сестер, живших в полых бревнах и честно зарабатывавших себе на жизнь, делая из ягод ожерелья. Руки у них были красными и грубыми, а мех длинным и неопрятным. Ожерелья, которые они носили, были не из черных ягод гибискуса, а из переплетенных разноцветных металлических проволочек и других яр-

ких и безвкусных предметов, украденных, выкопанных из земли или найденных на дне ручейков. Это были развратные девчонки. Они посмотрели на Кору так, будто она пришла сюда, чтобы украсть их мужчин, и ее поразили этот опытный взгляд на молодых лицах. Ходили даже слухи, что они жуют листья растений, привезенных кентаврами из путешествия на восток, и наслаждаются экзотическими видениями или же впадают в наркотический ступор. И действительно, одна из девчонок валялась в углу, свернувшись калачиком, не обращая никакого внимания на своих друзей, и было похоже, что она полностью поглощена своими галлюцинациями. Кто-то заговорил с ней, но медведица даже не пошевелилась, и выражение ее лица ничуть не изменилось.

– Эйрина вырубилась, – сказала другая девчонка.

– Значит, пропустит ужин.

– Да на что он ей? Пожалуй, я к ней присоединюсь.

– Травка подождет. Сначала развлечение.

Похоже, развлечением была Кора. Флебий швырнул ее на середину комнаты, как охотник швыряет ногу оленя своим голодным товарищам. Коре даже пришла в голову мысль, что она предназначена на обед. Правда, известно было, что паниски предпочитают растительную пищу – траву, корни, нижние ветви деревьев, а еще лучше, если это овощи, украденные из сада кентавров, но они могут также съесть все, что попадет под руку, включая кожаные сандалии. «Ну что ж, – подумала она с тайной самоиронией, присущей ее размыш-

лениям, — половина из них останется голодными. На тринадцать порций меня явно не хватит».

Но, как оказалось, есть ее не собирались. Пока не собирались. Компания томила от безделья, поэтому дриада, попавшая к ним в дом, представляла особый интерес, ведь они были еще детьми, во всяком случае, существами весьма инфантильными и любопытными. Они разглядывали ее и тыкали в нее пальцами — она била их по рукам. Они стали щипать ее и толкать — она ударила одного из них ногой по голени и он, хромя, отполз в угол комнаты.

— Давайте макнем ее в озеро.

— Давайте повыдергаем все ее красивые волосы.

— Давайте разрежем ее на кусочки и попробуем, какая она.

(Вот... начинается.)

Детская фантазия не имеет границ. Кора содрогнулась. Во рту появился горький привкус страха. Но чувство собственного достоинства не оставило ее. Она выпрямилась во все свои пять футов и, как ей казалось, величественно посмотрела на них сверху вниз, затем разгладила полотняное платье, которое они измяли, и, согнув ногу, поправила сандалию.

— Вы отвратительные дети, — сказала она. — Если вы меня не отпустите, Эвностей и кентавры потопят вашу жалкую хижину. В отличие от вас они умеют плавать.

— Потопят вместе с тобой? Они ведь даже не знают, что ты здесь, — сказал Флебий.

Компания отреагировала на его слова как на удачную

шутку, мальчишки затопали копытами, а девчонки захлопали в ладоши:

– Даже и не знают, что ты здесь! – С этими словами они сорвали с нее платье, причем сделали это так неожиданно, подойдя к ней сзади, что она поняла, почему они столь преуспели в воровском искусстве. Затем настал черед поиздеваться над ее маленькой грудью, и все начали соревноваться, кто придумает оскорбление побольнее. («Да, я, конечно, не Зоэ», – подумала Кора.)

Комната была темной и холодной, без окон и освещалась лишь отблесками огня из глиняной печки, стоявшей на полу, да несколькими огарками свечей, сделанных из пчелиного воска. Кора начала дрожать, чувствуя, что страх одолевает ее. Она присела на пол у печки, и только мысль об Эвностий (он обязательно нападет на след ее похитителей) помогла ей сдержать слезы и не сжаться в комочек, подобно замерзшей ласточке, пытаясь согреться и прикрыть грудь.

Детеныш паниска, чья мать, предаваясь веселью, по-видимому, забыла о его существовании, вскарабкался Коре на колени. От него пахло луковой травой и скисшим молоком. Кора попыталась поставить его обратно на пол, но он неожиданно улыбнулся такой чистой, обаятельной улыбкой, и рожки его, выглядывавшие из волос, так были похожи на маленькие поганочки, что она прониклась сочувствием к этому смелому и трогательному ребенку, к которому собственная мать была столь равнодушна. «Какой чудный малыш, – подумала

она, — и живет в таких условиях». Он потянулся к ее подвеске-кентавру, которую почему-то не сорвали вместе с платьем.

— Тебе нравится? — спросила она с нежностью. — Можешь поиграть с ней.

Но не успела Кора договорить, как он укусил ее за палец, сорвал подвеску с цепочки и бросился с добычей к своей матери.

— Молодец, — проворковала его мать, передразнивая Кору. Вот теперь Кора заплакала, хотя боль от оскорбленного самолюбия была гораздо сильнее, чем от укуса. Зеленая кровь струилась из ее пальца.

— Ты что, овощ? — спросил Флебий. — Ребята, посмотрите-ка, рядом с нами сидит салат.

— А ты думал, что у всех кровь красная? — рассердилась она. От злости у нее даже высохли слезы. — Мы живем на деревьях и едим желуди. Почему наша кровь не может быть зеленой?

— Делайте что хотите, — сказал Флебий. — А мы будем с теми, у кого кровь красная, правда, ребята?

Ребята откликнулись дружным блеянием.

Медведицы Артемиды, которых никто не спросил, и чья кровь была, скорее, коричневой, чем красной, промолчали.

К счастью для Кору, паниски вскоре отвлеклись и забыли про зеленую кровь, да и про саму Кору тоже. Они вернулись к своим обычным занятиям — шумным играм и безделью.

Одна из девчонок надела накидку Коре. Она была ей длинна и волочилась по полу, но, по крайней мере, скрывала ее покрытые мехом ноги. Она начала танцевать, топчась по всей комнате, изображая при этом пение (Коре оно скорее напоминало вой), а паниски отбивали какой-то дикарский ритм. Флебий снял со стены лиру, сделанную из панциря черепахи, и попытался аккомпанировать, извлекая монотонные звуки, похожие на писк летучих мышей. Правда, и слова были соответствующими:

Заклинаем пауков, крыс, нетопырей:
Выходите вы из недр мрачных поскорей,
Чтобы крылья навощить на лету пчеле,
Чтоб дриаду вниз стащить с дерева к земле!

Девчонка, одурманенная травкой, с трудом поднялась на ноги и стояла, раскачиваясь из стороны в сторону в такт музыке, все еще поглощенная своими видениями. Но не все пели и танцевали. Среди панисков и их женщин никогда не было единства, чем бы они ни занимались. Некоторые сели есть. Они громко чавкали, облизывали пальцы и не обращали ни малейшего внимания на музыкантов. Им, по-видимому, было все равно, что это за еда – сырые немывтые корни, тухлая рыба, личинки или поганки. Один из них швырнул какой-то кусочек Коре. Она поймала его, внимательно рассмотрела и с отвращением выбросила. Это был большой белый слизняк, находящийся в летаргическом сне, но живой.

– Зачем зря тратить на нее пищу? – недовольно проворчала мать воришки. Флебий с силой ударил ее прямо по губам.

– Ты каким местом думаешь? Ты что, не знаешь, что нам надо ее беречь? Не забывай про сделку.

Двое панисков схватили Кору за руки, а третий подобрал выброшенного слизняка и с силой засунул ей в рот.

– Эвностий найдет меня, – крикнула она, давясь и чувствуя, как слизняк проскальзывает в горло.

– Он слишком велик для нашего тоннеля. Ему придется извиваться, как змее, и прежде, чем он доползет, мы успеем разmozжить ему голову. Кентавры же вообще не могут ползать, а если они попробуют доплыть, то мы встанем на плот и будем расстреливать их из рогаток.

– Что вы собираетесь со мной делать?

При упоминании имени Эвностия к Коре вновь вернулось если и не внутреннее самообладание, то хотя бы внешнее, и вопрос был задан с вызывающим спокойствием.

– А ты как думаешь? – спросил Флебий, этот пошлый мальчишка, глядя на нее с вожделением. Но вожделение быстро сошло с его лица, когда медведица, которую он ударил, и которая явно была его женщиной, с силой наступила ему на копыто.

– Подожди, увидишь, – мрачно сказал он Коре. – Ждать осталось недолго.

Пение стихло, губы перестали чавкать, кость с грохотом упала на пол. Затхлый воздух наполнился запахом пылицы и

меда. Кто-то приближался к дому по тоннелю.

Королева трий вошла в комнату и отряхнула грязь со своих прозрачных крыльев. Затем быстрым взмахом крыла велела компании разойтись и направилась прямо к Коре.

– Дорогая, – сказала она, помогая девушке подняться, – что они с тобой сделали? Платье у тебя украли, лицо все в грязных пятнах. Ну, ничего, со мной ты в безопасности. Меня зовут Шафран или Шафрановая, мы сейчас пойдем домой.

– Но как ты меня нашла? – всхлипнула Кора. Это была та самая королева, которая следила за ними над садом Эвностия.

– Если есть крылья, все видишь.

Никто даже и не подумал остановить Кору, когда она забирала назад свою украденную накидку и подвеску-кентавра. Набросив ее на плечи, девушка пошла следом за Шафран, подальше от этой дурно пахнущей комнаты, на воздух, в мягкие лучи заходящего солнца. Кто-то, правда, затянул бунтарскую песню «Оторви пчеле крыло», но послышался звук пощечины, и пение прекратилось. Оставалось надеяться, что Шафран не разобрала слов. Было ясно, что эта отпетая компания, ни в грош не ставившая никакие добродетели, испытывала благоговение перед подлинным величием.

Когда Кора оказалась на свежем воздухе, то почувствовала, что теряет сознание. Она раскачивалась, как деревце на ветру. Но Шафран подала ей свою маленькую, украшенную

драгоценностями руку.

– Потерпи еще немного, дорогая, ты скоро отдохнешь, примешь ванну, поешь и опять станешь такой же красивой, как раньше.

Шафран взяла ее за руку и повела через поле.

– Но мое дерево в другой стороне.

– Ты погостишь у меня.

– Я вам очень благодарна, но сейчас мне нужно идти домой. Мама, наверное, умирает от волнения, и Эвностий тоже.

– Я им сообщу, что ты в полной безопасности. Эвностий придет и заберет тебя.

У кромки леса три мрачные работницы, неподвижные и бесцветные, как глиняные идола, ждали возвращения своей королевы. По команде Шафран они с шумом поднялись в воздух, подлетели к Коре и схватили ее.

– Я думала, ты меня спасла! – воскликнула Кора, почувствовав, что отрывается от земли.

– Купила, моя дорогая. Причем отдала за тебя немало – шелковую тунику и пять серебряных ножных браслетов. (На самом деле они были оловянными.)

Глава IV

По пути к Коре Эвностей зашел ко мне выпить кружечку пива.

– Зоэ, почему ты такая грустная? – спросил он. – И почему ты на меня так смотришь, будто я чем-то тебя расстроил?

– Не грустная, – возразила я. – Просто задумчивая.

– Нет, грустная. Тебя тревожат трии?

Как мне было объяснить ему, что я думала вовсе не о триях (хотя, наверное, именно о них и надо было думать)? Мне было грустно оттого, что он вырос, и я, которая любила его, когда он еще был маленьким теленком, а потом мечтательным юношей, теперь могла бы полюбить его другой, не столь невинной любовью. Мои любовники называют меня веселой Зоэ. «Она любит нас, а затем оставляет без тени сожаления». Я стараюсь сохранить этот образ. Кому нужна любовница (а становиться женой я вовсе не собираюсь), у которой плохое настроение? Но и мне временами бывает тяжело.

Как я могла сказать Эвностию о своем предчувствии? Я знала, что ему, мягкому и ранимому, придется много страдать, даже в такой доброй стране, как Страна Зверей (мы все еще думали, что она такая), и у меня сердце разорвется от горя, потому что Кора станет причиной его страданий.

– Я думала о том времени, когда мне было столько же лет, сколько тебе сейчас, – перевела я разговор на другую тему. –

Я была стройной, как молодой платан, и все кентавры умирали от любви ко мне. Твой отец появился на свет позже.

– Кентавры и сейчас любят тебя, – сказал он, – все, и старые и молодые. Ты такая заботливая, как мама.

Я чуть было не дала ему пощечину, но вместо этого улыбнулась, будто он сделал мне роскошный комплимент.

– Спасибо, дорогой. Но копыта уже не так часто стучат в мою дверь.

– Ты всегда мне говорила, что в прошлое надо смотреть только со смехом. Жизнь – шут, а не палач. Так ведь?

– Ты прав, – рассмеялась я. – И свою жизнь я не изменила бы даже за все жемчужины Великого Восточного моря.

И я тоже, – сказал он. – Я имею в виду твою жизнь. Возьмем, к примеру, твой дом. У Мирры, перед тем как войдешь, надо обязательно вытереть копыта о половик. А у тебя все так... – он попытался подобрать нужное слово, – просто. Да, это было тактичное слово. Он мог бы сказать – безалаберно. Я и не помню, когда в последний раз делала уборку в своем однокомнатном доме, поставленном на переплетении ветвей. В нем нет внутренней лестницы, как у Коры, и попасть в дом можно только с улицы, поднявшись по лестнице, сделанной из виноградной лозы. Окна у меня во всю стену, без пергамента, так что комнату в основном убирают ветер и солнце. Мебели мало. Вместо кровати – груда волчьих шкур. Столом служит кусок дерева. Круглый буфет вырублен из пня. В нем сыр, хлеб и бурдюк с пивом. (Вы, конечно,

понимаете, что когда дриада обзаводится деревянной мебелью, она сначала должна убедиться в том, что мебель сделана из деревьев, умерших естественной смертью – от удара молнии, засухи, старости, а не убито дровосеками.) В платяном шкафу висят туника и три длинных платья. Одно из них – в критском стиле, с открытым лифом, чтобы была видна грудь. Это подарок любовника-критянина. Свиток папируса с поэмой «Опрометчивость дриады» для легкого чтения в те редкие вечера, когда я бываю одна, подарил мне Эвностий. Это единственная поэма, которую я понимаю; она очень смешная и абсолютно не эпическая. Что еще нужно пользующейся успехом дриаде для того, чтобы развлечься самой и развлечь своих мужчин?

И всегда со мной мой друг – дерево, потрепанное и лохматое, как старый пес, и такое же любимое. Мы, дриады, живем вместе со своими деревьями и умираем вместе с ними, или умираем без них, если по какой-либо причине нас разлучают больше, чем на несколько дней. Если же мы умираем от несчастного случая, а дерево еще сильное и крепкое, на наше место приходят близкие родственники. Известны случаи, когда в одном и том же многолетнем дубе жило несколько поколений дриад. Мой дуб достался мне от матери и бабушки, и, думаю, ему сейчас около тысячи лет, а может, и больше. Не исключено, что он ровесник пирамид.

– Мне надо идти, – сказал Эвностий, но в его голосе слышалось: «Меня можно уговорить посидеть еще немного».

– С каких это пор Эвностий стал так следить за временем?

– Это из-за трий, – признался он.

– Ты думаешь, они могут что-нибудь натворить?

– Ты же сама сказала, что они воры. Я видел одну вчера, и она мне не понравилась. А Кора такая доверчивая.

– Да, я действительно это говорила, но они, наверное, уже вернулись на материк.

– Надеюсь. Все-таки лучше я сделаю дверь в доме Кору. Волчья шкура не спасет от воров.

– Об этом должна подумать ее мать. Ей могут поставить дверь кентавры.

Мирра стала такой легкомысленной, и, потом, ей сейчас нечего дать в обмен, не то что раньше.

– Получается, ты должен взять на себя все ее заботы.

– Пока не должен, она меня об этом еще не просила. Хотя мне и не трудно. Я трудолюбивый.

– Ты, наверное, хотел сказать «трудолюбивый»?

– Да, именно это я и имел в виду.

– Но ты же занят своими стихами.

– «На копытах легких Минотавр влюбленный...» – начал он декламировать. – Я думаю, для поэзии всегда можно найти время. Но, – на его юном лице появился грустный взгляд немолодого человека, – из стихов двери не сделаешь. Я ведь даже не странствующий певец и не могу зарабатывать своей поэзией на хлеб. Конечно, если посмотреть на все это с практической точки зрения, то мне надо делать мебель.

Трии встревожили его больше, чем можно было предположить. Я уже жалела, что рассказала ему об их дурных наклонностях.

– Выпей еще кружечку пива, и пойдешь.

Старина Эвностий, мечтательный мальчик, почувствовал себя более уверенно и стал лениво потягивать пиво.

– Я придумал рифму к «гриве», – наконец сказал он.

– Эвностий, что у тебя на уме?

– Но это же лучше, чем «крапива», и, уж конечно, намного лучше, чем «паршиво». Я не хочу, чтобы был плохой конец. Пусть она все-таки придет к нему в объятия. Она встала с постели, где ложилась...

– Лежала! Твоя мать вернется из Царства мертвых, если узнает, что такой невежественной дриаде, как я, приходится учить тебя правильно говорить.

– Я поэт, а не грамотей какой-нибудь. Но ты права.

С этими словами он вскочил на копыта, поцеловал меня в Щеку и стал спускаться вниз по лестнице.

– Эвностий, не забывай меня.

– Хорошо, Зоэ.

– И в следующий раз оставайся подольше.

– Обещаю.

В лесу он подпрыгнул, щелкнув на лету копытами, пытаюсь убедить себя, что так же счастлив, как и в тот день, когда лежал на поляне, заросшей желтыми цветами гусяного лука, и сочинял стихотворение. До бури. До появления трий. Ведь

он только что повидался со своим лучшим другом (так он меня называл). Но копыта тяжело опустились на землю, голова поникла, и строки стихотворения куда-то улетучились.

Подойдя к дому, Эвностий сразу же почувствовал неладное. На первый взгляд все было по-прежнему: та же тростниковая стена, окна, улыбающиеся своими красными рамами. Аккуратный, веселый домик, казавшийся естественным продолжением своего дерева. И тут он понял, в чем дело: из дома не доносилось ни единого звука. Он подошел к самой двери, но по-прежнему ничего не услышал. Мирра не переговаривалась с Корой и не напевала, готовя ужин. Неужели она отправилась в гости к кентаврам? Очень странно. Обычно в это время она жарила на глиняной сковороде яичницу из голубиных яиц.

Эвностий отодвинул волчью шкуру, без стука вошел в дом и оказался в полной темноте. Солнце уже село, но светильник никто не зажег. Комната освещалась лишь отблесками огня из очага, на котором сегодня никто ничего не готовил. На кровати, под похоронно-черным покрывалом, утопая в подушках, лежала Мирра.

Она повернула голову в сторону Эвностия. Лицо ее было бледным, как выцветшая на солнце раковина.

– Кора не вернулась домой.

– А куда она пошла? – Смысл сказанного не доходил до Эвностия.

– Гулять. И не вернулась домой. Ушла она перед завтра-

ком.

Кора любила уединенные прогулки, но она никогда не покидала своего дерева больше чем на полдня, даже когда отправлялась в город кентавров. Было ясно, что Кора пропала. Эвностию показалось, что его окунули в ледяную воду. Сначала он оцепенел, а затем холод иглами стал пронизывать все тело. – Ты искала ее?

– Да. И кентавры тоже. Весь день. Все, что мы нашли, – это кусок ее платья и следы копыт вокруг. Эвнестий, мне кажется, она у панисков.

Известие о том, что Кора исчезла, всколыхнуло весь лес. Нам казалось, что у нее нет врагов, и поэтому все мы: ее подруги-дриады, кентавры и даже маленькие медведицы Артемиды – были смущены и напуганы тем, что не можем ее найти. Мирра была безутешна. Мосх принес ей пива, медведицы Артемиды – несколько ведер ежевики, а я – копченого гуся и каравай хлеба. Она здоровалась со всеми, но, похоже, никого не узнавала, двигалась медленно и неуверенно и отвечала односложными бессвязными фразами:

– Где Эвнестий?

Она не знала, куда он направился после того, как выбежал из их дома. Она вообще с трудом смогла вспомнить, что он заходил. От других толку было не больше. Вечером того дня, когда исчезла Кора, одна из девчонок-медведиц видела Эвностию на поляне, заросшей желтыми цветами гусяного лука.

— Кажется, за ним летели пчелы, — сказала она. — Он даже не поговорил со мной, а ведь он всегда такой вежливый.

Один из панисков, который, как и все его эгоистичные сородичи, весьма равнодушно отнесся к исчезновению Кору, вроде бы повстречал Эвностия у подножия горы Иды. С другой стороны, рассуждал он, было темно, и не исключено, что он принял за Эвностия кого-то из кентавров. Нет необходимости говорить, что я сама отправилась на его поиски, как только убедилась, что Мирра в надежных руках. Направленная паниском по ложному следу, я целое утро потеряла у подножия Иды, зато днем разыскала следы Эвностия, которые вели к известняковой гряде, отделявшей большую часть нашей страны от внешнего мира, населенного критянами. И там, в самой темной и труднодоступной пещере, я нашла его. Он забился в угол и так съежился, что стал похож не на минотавра ростом в шесть футов, а на маленького медвежонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.